НЕЙТОН ЛИ

ХОЗЯЙКА ПОСТОЯЛОГО ДВОРА «У СТАРОГО ЯСЕНЯ»

Нейтон Ли

Хозяйка постоялого двора "У старого ясеня"

«Литнет»
2026

Ли Н.

Хозяйка постоялого двора "У старого ясеня" / Н. Ли — «Литнет», 2026

Еще вчера я управляла сетью ресторанов в Санкт-Петербурге, а сегодня очнулась в теле разоренной баронессы Веринеи. В наследство мне достались дырявая крыша, пустые амбары и постоялый двор «У старого ясеня» на опасном тракте.Местные старосты ждут, когда я сбегу, бандиты приглядываются к погребам, а суровый хозяин порубежья граф Дариан Вейн подозревает меня во всех грехах. Но они забыли: на кухне и в счетах мне нет равных. Я растоплю древний очаг, сварю лучший пряный сбитень и заставлю уважать свое имя. А господину графу придется признать: строптивая хозяйка таверны не продается ни за какое золото.

© Ли Н., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение на тюфяке с соломой 5
Глава 2. Законы баронского наследства 10
Глава 3. Инвентаризация разрухи 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Глава 1. Пробуждение на тюфяке с соломой

Колючая овсяная солома впивалась в щеку сквозь ветхую, застиранную до прозрачности холстину.

Первое, что вернулось ко мне — это резкий, пронизывающий запах. Не привычный утренний аромат свежемолотой арабики и дезинфицирующего средства с ароматом лимона, которым клининг в шесть утра обрабатывал барные стойки моего флагманского ресторана на Петроградской стороне. Воздух пах сырой известью, прелыми прошлогодними листьями, горьким дымом давно угасшего очага, мокрым речным песком и застарелой пылью нежилого каменного дома.

Я попыталась повернуться на правый бок, но затылок взорвался острой пульсирующей болью, словно в черепную коробку загнали раскаленный кованый гвоздь.

— Осторожнее, девица, не дергайся, — проскрипел откуда-то снизу сухой, дребезжащий голосок. — Башка у тебя сейчас что глиняный кувшин после падения с ледника: чуть стукнешь — и черепки по углам покатятся.

Я рывком распахнула глаза, подавив стон, готовый сорваться с пересохших губ.

Комната покачнулась, медленно возвращаясь на место. Высокий сводчатый потолок терялся в серой утренней полутьме. Массивные дубовые балки, черные от вековой копоти, держали на себе тяжесть верхних этажей. Сквозь щели в рассохшихся оконных ставнях наискось падали бледные полосы холодного рассветного света, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. В углах под стропилами висели гирлянды сухой паутины, похожие на изодранные штормовые паруса.

Я лежала не на ортопедическом матрасе в своей светлой спальне с панорамным видом на Малую Неву. Моим ложем был низкий дощатый топчан, сколоченный из неотесанных сосновых горбылей, набитый шуршащей, прелой соломой и придвинутый к глухой каменной стене.

Я подняла руку перед глазами.

Пальцы были длинными, бледными, с обломанными, коротко остриженными ногтями и тонкими царапинами на тыльной стороне ладони. Кожа хранила следы мелких ожогов от золы и въевшиеся темные пятна от сока трав. Никакого аккуратного нейтрального покрытия, никакой гладкой холености сорокалетней женщины, привыкшей подписывать договоры аренды и накладные на поставку устриц из Владивостока.

Это были руки молодой девушки. Истощенной, замерзшей, до костей продрогшей сироты. На тонком запястье виднелся синеватый след старого ушиба, а холщовый рукав рубахи был грубо заштопан суровой льняной нитью.

— Тихо, Вера. Только без паники, — прошептала я одними губами.

Голос прозвучал звонко, но хрипло, с незнакомыми мягкими грудными обертонами.

И в то же мгновение в виски хлынула чужая, горькая память. Не лавиной, которая сносит сознание, а чередой четких, болезненных отпечатков.

Осенний Петербург, ледяной дождь, визг заблокированных колес тяжелого автовоза на набережной Обводного канала, ослепительный удар фар и темнота. И следом — другой мир, жесткий и колючий: родовое поместье Легран, нищета последних лет, чахоточный кашель тетушки Марты, заложенные за долги амбары и этот постоялый двор «У старого ясеня» на самом перекрестке Западного тракта и королевской почтовой дороги. Последний клочок земли, записанный на баронессу Веринею де Легран.

Вчера баронесса заснула на этом топчане от голода и сырости, выплакав все слезы после похорон тетки. А проснулась — Вера Смирнова, ресторатор с пятнадцатилетним стажем, поднявшая с нуля три гастропаба и пережившая четыре налоговые проверки и два кризиса поставок.

— Значит, Веринея, — тихо произнесла я, спуская босые ноги на ледяные каменные плиты пола.

Холод обжег ступни, мгновенно проясняя мысли лучше любого двойного эспрессо.

Прямо напротив топчана, на краю щербатой дубовой скамьи, сидело удивительное создание. Ростом не больше полуметра, покрытое густой серовато-бурой шерсткой, напоминающей высохший лесной мох. Круглая мордочка с длинными вибриссами, умные карие глазки-бусинки и крошечные, цепкие ручки в рукавах холщового жилета, застегнутого на шлифованную костяную пуговицу. В лапках зверек сжимал половинку грецкого ореха, наполненную чистой дождевой водой.

— Очухалась-таки, барышня, — констатировал зверек, не выказывая ни малейшего страха. — А я уж думал, к полудню придется к могильщику в Сосновый яр ковылять. Лежала пластом, дышала через раз. На, испей капель, пока Бром со своей шайкой не нагрянул.

— Кто ты? — спросила я, осторожно принимая скорлупку. Вода пахла свежестью и можжевеловой хвоей.

— Кто-кто, — сердито буркнул мохнатый собеседник. — Домовой я здешний. Корней. Тридцать лет при твоем деде бароне за порядком глядел, пока тут жаровни гудели да обозы останавливались. А как старый хозяин преставился, так всё прахом и пошло. Тетка твоя, покойница Марта, только вздыхала да слезы в кружку роняла. А двор тем временем мхом порос, крыша над конюшней рухнула, а в погребах мыши от голода хороводы водят.

Я сделала глоток. Прохладная влага обожгла пересохшее горло, вернув способность нормально соображать.

— Староста Бром, о котором ты упомянул. Чего конкретно он добивается?

Корней спрыгнул со скамьи на пол. Его лапки ступали по камню совершенно бесшумно, точно кошачьи подушечки.

— Чего старосты хотят? Чужого добра на халяву. Тракт-то королевский, хоть и подзаброшен после мора в низовьях, но ярмарочные обозы через перекресток все равно тянутся. Бром спит и видит, как объявит усадьбу выморочной. Амбары под свое зерно приспособит, конюшню под деревенских коней заберет, а тебя — либо на скотный двор птичницей сошлет, либо в город свезет в работный дом за долги по сельской подушной подати.

Я встала в полный рост, расправляя затекшую спину. Тело было слабым, непривычно легким, но гибким и молодым. Простое домотканое платье серых тонов висело мешком, но ткань была чистой и крепкой.

— Никакого работного дома, Корней, — спокойно и твердо сказала я. — И никакого скотного двора. Где документы на постоялый двор?

Домовой замер, удивленно склонив лохматую голову набок:

— Ишь ты... Голос-то как переменился. Тетка Марта перед Бромом на колени падала, пощады молила, а ты сразу за грамоты хватаешься. На стойке они, под каменным пресс-папье лежат. Только толку с них, если в кармане ни единого медного гроша, а в печи зола трехнедельной давности?

Я шагнула вперед, осматривая зал хозяйским взглядом профессионала.

Помещение было великолепным с инженерной и коммерческой точки зрения. Просторный обеденный зал не менее ста двадцати квадратных метров. Стены сложены из монолитного дикого гранита, швы аккуратно затерты известковым раствором с добавлением толченого кирпича — строители явно рассчитывали на века обороны и долгой службы. Шесть массивных дубовых столов со скамьями, хоть и покрыты слоем серой дорожной пыли, сохранили абсолютную монолитность: ни одна ножка не шаталась, столешницы толщиной в ладонь были вытесаны из цельных дубовых плах.

В дальнем конце возвышалась барная стойка из мореного вяза, за которой темнели вместительные полки для посуды и бочонков. А в центре поперечной стены спал колоссальный каменный очаг. Его зев шириной метра в три мог легко вместить целую тушу оленя на вертеле.

Я подошла к стойке. Под тяжелым гладким голышом лежала папка из промасленной телячьей кожи с тиснением в виде дубовых листьев.

Я раскрыла створки. Внутри лежал плотный пергаментный лист с четкими строками имперской скорописи и массивной багровой сургучной печатью с изображением коронованного грифона, держащего ключ в когтях.

«Жалованная грамота его императорского величества на вечное владение дорожным приютом "У старого ясеня" роду баронов де Легран. Земли двора, колодец, постройки и прилегающая дубрава на триста саженей в окружности изъяты из юрисдикции волостных и сельских старост и состоят под прямым надзором коронного наместника порубежья».

Внизу размашистым почерком стояла подпись: «Наместник Западного предела, граф Дариан Вейн».

— Корней, иди сюда, — позвала я.

Домовой резво вскарабкался на край стойки, шевеля усами и настороженно поглядывая на пергамент.

— Ну, грамота. Дед твой ее у наместника выслужил, когда тракт от лесных татей расчищал двадцать лет назад. Да только Бром грамоте не шибко обучен, а наместник граф Вейн сидит в своем замке за тридцать верст отсюда. Пока ты до него дойдешь босиком по весенней грязи, Бром амбары на свои замки запрет, а тебя стражники на порог не пустят.

— До наместника идти не придется, если мы покажем, что постоялый двор функционирует по имперскому уставу, — возразила я, внимательно изучая мелкие приписки внизу листа. — В документе черным по белому написано: право на владение подтверждается поддержанием огня в очаге и готовностью принять проезжих в любое время суток. Если труба дымит и на столе есть хлеб — староста не имеет права даже переступить порог без письменного ордера коронного судьи.

Корней тяжело вздохнул, почесав пушистое брюшко:

— Легко сказать: огонь да хлеб. Ты на очаг погляди, Веринея. Он ведь не простой. Дед твой в него родовой огонь закладывал — искру бытовой магии очажного пламени. Пока искра спала — в доме сырость, тлен и морок. А чтобы ее разбудить, надобно чистоту навести, сухую растопку сложить да каплю хозяйской крови на кремень принести с истинным намерением очаг держать. А муки у нас — полмешка на донышке ларя в темной кладовке. И та серая, грубого помола, ячменная.

— Ячменная мука грубого помола — великолепная основа для плотных лепешек на сыворотке с дикими травами, — уверенно отозвалась я, уже прикидывая технологическую карту блюда. — В моем прошлом мире за порцию теплого ячменного хлеба с розмарином и крупной солью гурманы платили бешеные деньги. Сколько у нас времени до прихода старосты?

— К полудню явится, как пить дать, — проворчал Корней, но в его бусинках-глазах впервые блеснул неподдельный азарт. — После утренней сходки в деревне напьется кислого пива для храбрости, кликнет двоих горлохватов с вилами и припрется замки вешать на ворота.

— Значит, у нас ровно четыре часа. Показывай кухню и ледник, Корней.

Мы спустились по каменным ступеням за стойку, где начиналась кухонная зона.

Кухня порадовала меня продуманной планировкой. Широкий разделочный стол из цельного букового спила, колода для рубки мяса, глубокая каменная раковина со стоком в наружный септик и медные кастрюли, висящие на кованых крючьях под потолком. Медь позеленела от сырости, но металл был толстым, добротным, без дыр и трещин.

В углу темнел ларь для сыпучих продуктов. Я откинула тяжелую дубовую крышку. Внутри действительно оставалось около десяти килограммов чистой сухой ячменной муки, глиняный горшок с каменной солью крупного помола и связка сушеного тимьяна.

Рядом, за тяжелой дубовой дверью на кованых петлях, находился глубокий подвал.

Спустившись туда с зажженной лучиной, я замерла от удивления. Подвал был сухим и прохладным. Стены сложены из красного обожженного кирпича, а вентиляционные колодцы обеспечивали постоянный приток свежего воздуха. На полках сиротливо стояли два глиняных жбана, запечатанных пчелиным воском.

— Что в жбанах? — быстро спросила я.

— Топленое сливочное масло, — гордо сообщил Корней, семеня рядом. — Лично сберег! Тетка Марта про них забыла, а я воском горловины залил, чтобы воздух не проник. Масло ядреное, сладкое, еще с позапрошлого лета стоит!

— Масло, мука, соль, сухие травы и чистая колодезная вода, — подытожила я. — Этого достаточно, чтобы приготовить сытное горячее угощение на двадцать человек. А теперь за работу. Ни минуты простоя.

Первым делом я нашла в чулане под лестницей старую холстину, ведро из кованого железа и березовую метлу. Ведро было крепким, без единой течи. Спустившись к колодцу на внутреннем дворе, я с трудом, скрипя тяжелым дубовым воротом, подняла бадью ледяной, прозрачной как слеза воды. Вода пахла кремнием и глубиной, на вкус была сладковатой и чистой — главный санитарный ресурс любого пищевого заведения был в идеальном порядке.

Вернувшись в зал, я завязала подол серого платья надежным узлом на бедрах, закатала рукава выше локтей и принялась за генеральную уборку.

Тяжелый физический труд выбивал из головы остатки оцепенения и страха. Я сметала серую паутину с потолочных балок, драила щербатые доски пола мыльным корнем, отмывала широкие дубовые столы от застарелого жира и налипшей дорожной пыли. Мышцы спины и рук ныли с непривычки, на ладонях горели свежие мозоли, но с каждым вымытым квадратным метром зал преображался на глазах. Темное дерево начинало отливать благородным янтарным глянцем, а воздух очищался от запаха тлена и уныния.

Корней тем временем деловито сновал между кухней и задним двором, перетаскивая в охапках сухие березовые лучины, связки прошлогодней полыни для дезинфекции воздуха и куски сухого можжевелового трута.

— Дрова на заднем дворе под навесом отличные, — докладывал он, довольно шмыгая носом. — Береза да смолистая ольха. Твой дядька еще до мора заготовил, да так и не успел сжечь. Гореть будут жарко, со сладким дымком, без копоти.

К одиннадцати часам утра обеденный зал сиял строгой, спартанской чистотой. Столы были выстроены ровной линией вдоль открытых ставней, скамьи начисто выскоблены, а на широких подоконниках стояли начищенные глиняные кувшины со свежими сосновыми ветками, наполняя комнату густым смолистым ароматом весенней хвои.

Я подошла к гигантскому очагу.

Корней вымел веником старую золу до чистого серого гранита пода. Я аккуратно сломала сухие березовые плашки шалашиком, положила вниз комок сухого льняного очеса, тонкие стружки ольхи и сухие можжевеловые ягоды для благовония.

— Теперь давай, барышня, — торжественно прошептал домовой, протягивая мне старинное кованое кресало и кусок кремневого скола. — Уколи палец. Искра очага чужих не слушает. Ей надобно знать, что хозяйка в дом пришла навсегда, а не переночевать и сбежать.

Я не колебалась ни секунды. Ресторанный бизнес в моем прошлом мире научил меня простому и жесткому правилу: если берешься за проект, вкладывайся в него целиком, без оглядки на отступление и жалость к себе.

Острый край кремня рассек подушечку безымянного пальца. Рубиновая капля набухла на коже и тяжело упала на сухую светлую бересту в самом сердце очага.

— Ясень держит корень. Очаг держит дом, — негромко, но с непоколебимой силой произнесла я слова, всплывшие из глубины родовой памяти баронессы Веринеи.

Стальное кресало с сухим щелчком ударило по кремню.

Сноп ярких белых искр брызнул в глубь сухой растопки.

Мгновение стояла абсолютная тишина. А затем глубоко под каменным фундаментом что-то мягко, мощно дрогнуло. Камни портала отозвались низким, вибрирующим гулом, словно внутри гранитной скалы забилось могучее горячее сердце проснувшегося великана. Корни священного векового ясеня, оплетавшие фундамент таверны на глубине подвала, передали в кладку живую, теплую силу земли.

Белая береста занялась мгновенно, без едкого дыма. Языки чистого золотого пламени с веселым треском взметнулись вверх по сухим ольховым поленьям. В широкой кирпичной трубе загудела ровная, мощная тяга, вытягивая наружу вековую затхлость.

Тепло хлынуло в зал широкой, ласковой волной. Оно не просто согревало замерзший воздух — оно выталкивало сырость из углов, оживляло потемневший дуб балок, заставляло серые камни светиться слабым золотистым ореолом и пробуждало к жизни дремлющее пространство дома. В воздухе запахло печеной корочкой и нагретым деревом.

— Живой! — взвизгнул Корней, подпрыгивая на месте и восторженно хлопая пушистыми лапками. — Принял! Родовая искра признала хозяйку! Теперь Брому тут делать нечего, святой огонь чужую руку к засовам не подпустит!

На кухне тем временем уже подходило первое тесто. Я замесила ячменную муку на ключевой воде с растопленным золотистым маслом, крупной солью и растирая пальцами сухой тимьян. На чугунной сковороде над углями жарко зашипели первые круглые лепешки. Тесто поднималось на глазах, напитываясь мягким жаром пробудившегося очага.

По залу поплыл умопомрачительный, густой аромат свежей выпечки, жареного зерна и пряных трав — запах настоящего, живого, непобедимого человеческого дома, куда всегда хочется вернуться усталому путнику.

И ровно в этот момент за массивными входными дубовыми дверями послышался тяжелый топот кованых сапог, скрип несмазанных тележных колес и громкие, уверенные голоса деревенских мужиков.

Дверь сотряслась от мощного удара дубового посоха.

— Эй, в конуре! — донесся грубый хриплый бас старосты Брома. — Отворяй, сирота! Комиссия от сельской общины пришла имущество описывать и амбары опечатывать!

Я неторопливо вытерла руки чистым льняным рушником, сняла с огня сковороду с румяными, исходящими паром лепешками, поправила выбившиеся пряди каштановых волос и подошла к стойке, взяв в руку жалованную грамоту с багровой сургучной печатью.

Страха не было. Внутри горело то же спокойное, несокрушимое пламя, что гудело сейчас в древнем очаге «У старого ясеня».

— Отворяй двери настежь, Корней, — с холодной усмешкой произнесла я. — Пора объяснить сельской общине, как работает имперское законодательство.

Глава 2. Законы баронского наследства

Бром уже стоял за дверью, а я всё ещё сжимала в руке найденную утром жалованную грамоту. Пахло свежими лепёшками, печь гудела ровно, и за ставнями переговаривались двое мужчин с замками. Я попросила Корнея придержать дверь на засове ещё несколько минут. Подпись наместника на найденном документе подтверждала наши права, но староста наверняка попытался бы объявить грамоту простой семейной бумагой. Мне хотелось отыскать первоначальный коронный акт, на который ссылалась приписка, и показать обе печати одновременно. Поэтому вместо того, чтобы сразу вступить с незваными гостями в спор, я поспешила в старую конторку за очагом.

Сквозняк, тянувший из рассохшихся щелей под полом, нес запах прелых березовых веников, мышиного помета и застарелой погребной сырости.

Я перешагнула порог низкой дубовой двери, отделявшей общий зал постоялого двора от темного чулана за очагом. Здесь когда-то располагалась хозяйская конторка — святая святых любого уважающего себя заведения, от придорожного трактира на границе до мишленовского ресторана в центре Петербурга. Только вместо бесшумного сейфа с кодовым замком и аккуратных стопок бухгалтерских папок перед моими глазами предстало настоящее кладбище бумаг.

На массивном, изъеденном жуком-точильщиком столе высились бесформенные груды пожелтевших пергаментов, покрытых бурыми разводами от протекавшей когда-то крыши. В воздухе стояла едкая взвесь, от которой немедленно защекотало в носу.

— И чего ты тут вынюхиваешь, горемычная? — раздался из темного угла скрипучий, сварливый голос Корнея.

Маленький лохматый человечек сидел на перевернутом бочонке из-под дегтя, поджав босые, покрытые густым серым пухом пятки. Его крошечные блестящие глазки-бусинки следили за каждым моим движением с откровенным подозрением. В руках у домового был зажат огрызок сухой дубовой щепки, которой он деловито ковырял в зубах.

— Ищу то, без чего любой бизнес превращается в мишень для первых попавшихся рейдеров, — ровным, спокойным тоном ответила я, засучивая серые льняные рукава. — Первоначальный акт к найденной утром грамоте. Документ о податной неприкосновенности, с королевской печатью. Покажем Брому не только подтверждение наместника, но и его законное основание.

— Ишь ты, какими словами сыплет! — Корней сплюнул на щербатые половицы и покачал косматой головой. — «Рейдеры» какие-то... Ты по-человечески говори! Землю нашу забрать хотят, вот что! Староста Бром со вчерашнего полудня по деревне гоголем ходит, мужикам в кабаке квас ставит да хвастается, будто к вечеру амбары опечатает, а тебя в обоз к коробейникам посадит — на все четыре стороны. Мол, род Легранов пресекся, сирота девка не в счет, а земля под ясенем испокон веков сельской общине принадлежала!

— По закону или по беспределу? — спросила я, смахнув толстый слой серой пыли с крышки стола. Под пальцами проступило потемневшее, исчерченное ножом дерево.

— Какой еще закон в глухомани на порубежье? — окрысился дух очага. — У кого кулак толще да дубина увесистее, у того и закон! Старый барон, дядька твой беспутный, три года перед кончиной в бреду метался, налоги короне задолжал, вино из столицы бочками в долг брал. Все закладные грамоты перерыл, да так и не нашел главной бумаги. Ругался, что лихие люди по дороге сундуки разграбили. А без гербового пергамента ты перед старостой — просто голодранка в чужом углу.

Я не стала спорить. В ресторанном бизнесе я повидала немало таких «старост»: от алчных арендодателей, пытавшихся выгнать команду за день до открытия летней террасы, до чиновников санитарных служб, намекавших на взятки за закрытыми дверями. Правило выживания

было ровно одно: не паниковать, не повышать голос и искать юридическую брешь в позиции нападающего.

В правом углу конторки, под грудой полусгнивших учетных книг, я заметила тяжелый темный предмет. Наклонившись, я с усилием выволокла на середину комнаты продолговатый дубовый сундучок, окованный полосами черненого железа. На крышке тускло поблескивала латунная пластина с выбитым гербом: ветвистое дерево и обнаженный меч, обвитый виноградной лозой.

— Ларец баронский! — Корней аж подпрыгнул на бочонке, уронив щепку. — Да только толку с него? Замок там гномий, хитрый, с секретной пружиной. Ключ покойный барон по пьяному делу в речке утопил еще позапрошлой весной. Мы с мужиками его и ломом ковыряли, и обухом топора били — только железо погнули. Не откроешь!

Я опустилась на колени прямо на пыльный пол. Навесной замок действительно выглядел внушительно: круглая замочная скважина была плотно забита засохшей грязью, паутиной и ржавчиной. Ломать такой силой — верный способ расколоть древнее дерево или заклинить внутренние штифты навечно.

— Ломом работают те, у кого в голове опилки, Корней, — негромко произнесла я.

Я нащупала на подоконнике тонкий ржавый гвоздь и длинную железную спицу, которой, видимо, когда-то скрепляли конторские счета. Очистив острие о край передника, я осторожно ввела металл в узкую щель. Внутри механизма что-то туго заскрипело.

И тут в кончиках пальцев снова отозвалось то самое странное, теплое покалывание, которое я впервые ощутила утром у мертвого очага. Слабая, едва уловимая искра домашней, бытовой искренности скользнула по металлу. Мельчайшие песчинки и хлопья ржавчины внутри замка словно расступились, повинуясь беззвучному импульсу тепла. Я слегка повернула спицу по часовой стрелке, поддев нижний стопорный язычок.

Щелк!

Сухой, звонкий металлический щелчок прозвучал в тишине комнаты подобно выстрелу. Тяжелая дубовая крышка сундука с глухим скрипом приподнялась на пару сантиметров.

Корней замер с открытым ртом, прижав мохнатые ладошки к волосатой груди:

— Батюшки святы... Сама открыла! Без кузнеца, без заклятия ковалей! Неужто баронская искра в крови шевельнулась?

Я не ответила. Подняв крышку, я заглянула внутрь.

Сундук был выложен изнутри плотным вощеным полотном, спасшим содержимое от сырости. Сверху лежал кошель из вытертой замши — увы, совершенно пустой, если не считать трех крошечных медных медяков, покрытых зеленой патиной. Под кошелем темнел тяжелый свиток из плотного, толстого пергамента цвета топленого молока, перевязанный алым шелковым шнуром.

На конце шнура покачивалась массивная круглая печать из темно-красного сургуча размером с чайное блюдце. На оттиске четко читался имперский орел, держащий в лапах свиток и мерный жезл, а по ободу шла латинская вязь: *«Sigillum Regis Aldredi IV — Libertas Tractus»*.

Я развернула свиток. Строгие, каллиграфические строки на нижнеимперском наречии складывались в четкие юридические формулировки. Моя латынь, выученная когда-то на первом курсе гуманитарного факультета, со скрипом, но безошибочно расшифровывала витиеватые обороты канцелярии:

«Сим объявляем волю Нашу: даруется барону Роланду де Леграну и прямым наследникам его крови право вечного и потомственного держания земли урочища Старого Ясеня у перекрестка Западного тракта, яко коронной почтовой станции и приюта королевских гонцов. Освобождаем означенное владение от всяких податей, оброков, натуральных повинностей и сборов в пользу волостных старшин и сельских общин окрестных весей, доколе очаг постоялого двора теплится, а крыша дает кров путникам Его Величества. Никакой староста, тиун или

волостной судья не властен чинить суд и расправу на землях сего лена, под страхом опалы и тридцати ударов плетьми у позорного столба...»

Внизу стояла размашистая подпись монарха и дата — почти сто лет назад. Но в конце документа красовалась приписка, сделанная свежими чернилами всего пять лет назад и скрепленная личной печатью коронной канцелярии наместника: *«Подтверждено в правах. Лорд-наместник Западного Порубежья, граф Дариан Вейн»*.

— Корней, — позвала я, чувствуя, как внутри разливается холодная, расчетливая уверенность. — Ты умеешь читать по-имперски?

— Чего я там не видал, в ваших закорючках? — буркнул домовой, бочком подбираясь к столу. — Бумага и бумага. Была бы от нее мука в закромах да дрова у печи.

— Эта бумага, милый мой хранитель, стоит дороже десяти возов отборного зерна, — медленно произнесла я, сворачивая пергамент и пряча его во внутренний карман шерстяной безрукавки. — Это иммунная грамота прямого коронного подчинения. Мы не подчиняемся местному сходу. Мы подчиняемся только наместнику тракта.

Договорить я не успела.

Снаружи, со стороны парадного крыльца, вновь донесся тяжёлый стук кованых сапог, сопровождаемый громким, властным гоготом и звоном железа. Затем засов, который Корней успел только прикрыть, поддался: дверь общего зала распахнулась настежь с таким грохотом, что жалобно звякнули уцелевшие стёкла в верхних фрамугах.

— Сколько ещё прятаться будешь? — прогремел знакомый грубый бас, от которого задрожали стропила. — Выходи на свет, баронесса недоделанная! Я пришёл опись имуществу чинить, а не в дверях до вечера стоять!

Корней испуганно пискнул, кубарем скатился с бочонка и в мгновение ока растворился в темной щели за очажной кладкой, оставив после себя лишь легкий запах сухой полыни.

Я расправила плечи, оправила потертую юбку, глубоко вдохнула ледяной воздух конторки и неторопливой, царственной походкой шагнула в общий зал.

У распахнутых настежь дверей по-прежнему стояли те самые трое, чьи голоса я слышала, когда убирала с огня лепёшки.

Впереди возвышался сам сельский староста Бром — кряжистый, пузатый мужик лет пятидесяти с широким, побагровевшим от осеннего ветра и дешевой браги лицом. Из-под густых седеющих бровей на меня буравили маленькие, заплывшие жиром свиные глазки. На старосте был надет добротный тулуп из овчины, подпоясанный широким кожаным ремнем с медной бляхой, а в пухлых пальцах он сжимал тяжелый дубовый посох с железным наконечником.

За его спиной переминались с ноги на ногу двое дюжих деревенских парней в серых сермягах. У одного в руках была длинная мерная веревка с узлами, у второго — связка пудовых железных висячих замков и связка просмоленных пеньковых жгутов.

— Чего забилась в угол, сиротка? — осклабился Бром, окинув меня презрительным взглядом с ног до головы. — Аль не признала сельского старосту? Я к тебе с добром пришел, по-соседски. Тетка твоя, старая дура Марта, на погосте уже вторые сутки остывает. Двор ваш — сплошная гниль да разор, долгов на три деревни вперед накоплено. Вот мирской сход и постановил: землю и амбары изъять за недоимки под общественное зернохранилище, постоялый двор заколотить, а тебя определить в волостной приют при монастыре святого Варфоломея. Там тебя прясть научат, если пальцы не отсохли.

Один из подручных хмыкнул, потряхивая замками:

— И на кухне помои выносить сгодится, баронесса-то! Мордашка чистая, спеси только многовато.

Я молча подошла к массивному дубовому столу в центре уже вымытого зала, выдвинула тяжёлую некрашеную скамью и села, сложив руки на коленях. На кухне остывала утренняя

выпечка. Мой взгляд был абсолютно спокоен. Так смотрят на нетрезвого гостя, который перепутал респектабельный ресторан с привокзальной пивной.

— Вы вошли в частное владение силой, не сняв шапки и распахнув двери настежь в преддверии заморозков, — отчётливо, с расстановкой произнесла я. Каждое слово звенело в холодном воздухе сухо и хлёстко. — Назовите законное основание вашего визита, господин староста.

Бром опешил. Он явно ожидал слез, истерики, униженных мольб оставить хотя бы угол или разрешить забрать старую перину. Мой ледяной, деловой тон на мгновение выбил его из колеи, но он тут же насупился еще свирепее, ударив посохом о половицы:

— Ты мне зубы не заговаривай, побирушка! Основание у меня одно — решение схода Соснового Яра! Община кормить дармоедов не станет! Твой дядька нам сто сорок мер ржи должен остался за прошлый год, да за выпас коней на лугу тридцать серебряных монет не доплатил! Нет у тебя больше никакого владения! Собирай тряпки в узел — и вон отсюда, пока парни силой за шкирку не выволокли!

— Решение схода, говорите? — я чуть наклонила голову набок, смерив старосту насмешливым взглядом. — А с каких это пор сход государственной деревни получил право распоряжаться дворянскими ленами Коронного тракта?

— Какими еще ленами?! — взревел Бром, багровея еще сильнее. — Сдохли твои благородные предки! Нету больше баронов! Земля под ясенем — выморочное урочище!

— Ошибаетесь, господин Бром, — спокойно ответила я и неторопливо извлекла из кармана свиток с темно-красной сургучной печатью. — Я — баронесса Веринея де Легран, прямая законная наследница рода. А вот это — подтвержденная Коронной канцелярией жалованная грамота.

При виде огромной сургучной печати с имперским орлом парни за спиной старосты инстинктивно дернулись назад, побледнев. Простые мужики на тракте с детства знали: тронуть бумагу с коронным орлом — верный путь на каторжные рудники.

Бром нервно сглотнул, но попытался сделать шаг вперед, протягивая руку:

— А ну, дай сюда! Мало ли какую фальшивку ты в пыли откопала!

— Руки назад, староста, — мой голос понизился, приобретя металлическую жесткость, перед которой в моем прежнем ресторане пасовали даже самые наглые проверяющие. — Если ваши пальцы коснутся государственной печати Наместника без присутствия королевского пристава, я составлю рапорт о попытке вооруженного мятежа и покушении на коронную почтовую станцию. Статья сорок вторая Свода законов Порубежья: смертная казнь через повешение для зачинщиков и пожизненная каторга для соучастников. Хотите проверить, чью сторону примет коронный суд?

— Да ты... ты брешешь! — прохрипел Бром, но руку отдернул, словно обжегся о раскаленную сковороду. — Какой еще наместник? Граф Вейн в своей крепости сидит, ему до заброшенной корчмы дела нет!

— Граф Дариан Вейн лично подтвердил действие этого иммунитета пять лет назад, — я развернула свиток так, чтобы нижняя строка с размашистой черной подписью и гербом дознавателя была видна даже с порога. — Почтовая станция «У старого ясеня» находится под прямой защитой порубежного гарнизона. Мы освобождены от любых волостных поборов, оброков и претензий сельских общин. А за попытку самовольного захвата амбаров и порчи замков вы, господин староста, ответите своим личным имуществом и свободой.

Парни позади Брома уже откровенно пятились к выходу.

— Дядька Бром... пойдем отсюда, а? — прошептал тот, что держал замки. — Глянь, там ведь и правда печать графа Вейна! Нас же дознаватели на ремни нарежут, коли узнают!

Бром тяжело дышал, раздувая ноздри. Жадность и злоба боролись в нем с паническим страхом перед всесильным лордом-дознавателем, чье имя на тракте произносили шепотом. Наконец, поняв, что нахрапом сломать меня не вышло, он с силой сплюнул на порог.

— Ладно, баронесса, — процедил он сквозь зубы, сверкая ненавидящим взглядом. — Грамотой ты прикрылась, складно поешь. Да только грамоту на хлеб не намажешь и в очаг вместо дров не сунешь! Посмотрим, чем ты запоешь через неделю, когда мороз прихватит! Деревня тебе ни полена дров не продаст, ни горсти муки не уступит! Сама приползешь ко мне на коленях, за корочку хлеба прощения молить будешь!

— Если мне понадобится мука или дрова, господин Бром, я куплю их у тех крестьян, у кого есть совесть и желание заработать полновесную монету, а не у спекулянтов и грабителей, — отчеканила я. — А теперь закройте за собой дверь. С наружной стороны.

Староста еще секунду сверлил меня яростным взором, затем круто развернулся, толкнул в спину замешкавшегося подручного и вывалился на крыльцо. Дверь захлопнулась с глухим стуком. Через минуту послышалась ругань, скрип тележных колес и удаляющийся топот лошадиных копыт.

Тишина снова опустилась на заброшенный зал.

Из-за очага осторожно высунулась вихрастая серая голова Корнея. Домовой вылез целиком, подошел ко мне, задрал мордочку и благоговейно посмотрел снизу вверх:

— Ну и барыня... Ну и волчица! Брома, кулака проклятого, словно щенка сопливого за порог выставила! Ай да хозяйка! Ай да постоялый двор наш воскреснет!

Я устало опустила плечи, чувствуя, как отступает нервное напряжение, а пальцы мелко подрагивают. Первая победа осталась за мной, но это была лишь разведка боем.

— Рано радоваться, Корней, — тихо вздохнула я, глядя на вымытые утром столы и зияющие дыры в потолке. — Бром прав в одном: грамоту в суп не положишь. Утром мы согрели зал и испекли первый хлеб. Теперь нужно посчитать, сколько у нас осталось припасов, какие помещения действительно безопасны и сколько дней мы продержимся без деревенских поставок. Показывай дальние кладовые, дровяник и конюшню. Начинаем подробную инвентаризацию.

Глава 3. Инвентаризация разрухи

Ледяная ступенька под моим сапогом п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.